

мудрецом и касался его: «Я делал успехи, когда находился вместе с тобой и даже если был с тобой не в одном и том же помещении, а всего лишь в одном с тобой доме; а еще более преуспевал я, когда находился с тобой в одном помещении, и уже гораздо больше, казалось мне, когда, находясь с тобой в одной комнате, я смотрел на тебя, говорящего, а не глядел в это время в сторону; самые же великие и многочисленные успехи сопутствовали мне, когда, сидя рядом с тобою, я тесно к тебе прикасался»²². Однако в компании других людей благотворное влияние Сократа постепенно исчезало (130 с 8), чего не было бы, будь дело только в аргументах и убеждении. Тем самым оба диалога — «Теэтет» и «Феаг» — подчеркивают, что влияние Сократа на его окружение было результатом не просто слушания, а особого опыта переживания его присутствия. Причем, как можно заключить по прямому указанию, содержащемуся в последнем диалоге, заметную роль в этом процессе изменения личности играет и демонический эротизм Сократа, его компетентность в науке любви, в которой он превосходит, по собственному признанию всех людей²³. Поэтому синусия, заключает Таррент, оказывается идеальным термином для описания его отношения с присутствующими, так как этот термин имплицитно скорее отношение с ментором, чем с лектором, учителем логики или любителем выпрашивать. Таким образом, успехи в диалектике не могут служить основанием для улучшения личности, скорее сам ее личностный прогресс обеспечивает успехи на пути диалектики²⁴. А вся работа убедительно показывает как теономность майевтики и пайдеи Сократа, так и важность прямого воздействия божества на людей.

1.1. Этические атрибуты бога в учении Сократа

Характер и содержание миссии Сократа как определявшейся исключительно божественным повелением, а также этические аспекты отношения бога и человека, экзамплифицированные в учении и жизни Сократа, рассмотрены в интернетовской публикации МакГрегора «Сократ, бог и благочестие»²⁵. В ней анализируется также отличие концепции бога Сократа от той, которая была общепринятой в Афинах

²² Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 124.

²³ См.: Там же. С. 121; см. также: The roots of political philosophy: ten forgotten Socratic dialogues translated, with interpretive studies / Ed. Th. L. Pangle. Ithaca: Cornell Univ. press, 1987. С. 173.

²⁴ Tarrant H. Op. cit. P. 141–145.

²⁵ MacGregor L. Socrates, God, and piety // Mode of access: <http://humanities.byu.edu/philosophy/aporia/index.html/Fall 2001 /contentsto.html>.

и Греции. В рамках этого подхода рассматривается учение Сократа о добродетели как знании и зле как поступках, основанных на ложном знании и незнании, а также структура аргументации философа. При этом коррекция ложных, хотя и широко распространенных среди афинян представлений о боге, оказывается миссией, возложенной на Сократа богом, а следование богу в деле улучшения душ людей — благочестием. Тем самым показывается необходимость и ультимативная важность, с точки зрения бога (а следовательно, и возможность для человека), задачи повышения моральных стандартов людей, ведь ради нее следует даже пренебречь всеми другими делами повседневной жизни. Сократ полагал, что очень важно иметь адекватное представление о боге. В своей защитительной речи он говорил судьям, что своей жизнью философа обязан богу, который направил его к ней посредством оракулов и сновидений²⁶. Философ, следовательно, не только не сомневается в том, что бог внимательно наблюдает за его (а значит, и всех других людей, которые также важны для бога) поведением, но и уверен, что бог направляет его посредством рационально понятных для человека образов.

Роберт Дж. О.'Коннелл (Robert J. O.'Connell) указывает, что слово, которое Сократ использует для праведности: «θεμις», обозначает «божественный путь», или способ поведения Бога²⁷. Философ верил, что бог совершенно мудр, нравственен и благ. Более того, он полагал, что человек может быть подобен богу, если станет подражать ему, делая божье дело. Это пифагорейская концепция, которая в своих konsekвенциях ведет через выполнение внешней работы, возложенной на человека богом, к внутренней трансформации души человека, ее позитивной мутации и обожению. Участие в этой работе является ультимативной формой благочестивого богопочитания, ибо делом бога, как думал Сократ, является улучшение человеческих душ. Таким образом, Сократ верил, что человек может стать подобным богу, если, подобно богу, будет работать над улучшением человеческих душ. Это и есть благочестие. Таким образом, говорит МакГрегор, не любая работа Сократа может его уподобить (т. е. уподобить его душу, бессмертную и лучшую часть Сократа) богу, а только деятельность по позитивному изменению к высшему и лучшему бессмертных душ людей, именно это ведет к теозису человека, обожению его души. Бог, следовательно, на примере Сократа показывает, что, улучшая души других людей, человек существенным образом изменяет к лучшему и свою собственную душу.

²⁶ Платон. Собр. соч. Т. 1. С. 87.

²⁷ O'Connell R. J. God, Gods and Moral Cosmos in Socrates' Apology // Intern. Philos. Quart Bronx, 1985. Vol 25. № 1 P. 38.

А поскольку Сократ — лучший из людей, то подобная благочестивая миссия концептуализируется, по-видимому, как высшая и оптимальная для человека²⁸.

Но как возможно познание этого бога и восхождение к нему? Этот процесс восхождения к Абсолюту, кульминирующий в интенсивном переживании контакта с ним и его непосредственном сверхчувственном познании, экзаплифицирован в нарративе Диотимы — концептуальным фокусе платоновского «Пира». Эта профетесса из Мантиней, по словам Нэнси Эванс²⁹, мистагог, которая инициировала индивидуумов в свои мистерии, транслируя человеческим существам эзотерические знания о божественном. Поэтому, признавая историчность существования Диотимы как жрицы Деметры, не следует ли, по меньшей мере часть сообщаемых ею идей атрибутировать доктринам Элевсийских таинств, язык которых, по мнению этой исследовательницы, заимствовал Платон?³⁰

1.2. Сократ как гражданин

О том, насколько существенно влияние на социальное поведение личности идей о трансцендентных сущностях, аргументировано рассуждает Д. Коурей³¹, который, опираясь прежде всего на такие диалоги, как «Апология Сократа», «Критий», «Горгий», показывает, что деятельность Сократа-гражданина существенным образом мотивировалась супранатуральными («божественными») факторами, которыми были как демоний философа, так и Дельфийский оракул, объявивший через друга Сократа этого последнего мудрейшим среди людей. Херефон спросил у Оракула: «Есть ли кто мудрее Сократа?». Лаконичный и загадочный ответ звучал как: «Никто не мудрее» (Апол., 20 е–23 б). В том, что у Сократа была религия, убеждают работы таких авторов, как Дж. Векман, М. Макперрен, Н. Смит. Коурей подчеркивает, что, употребляя термин демоний, Сократ не использует его в смысле необходимых конвенциальных или общественно признанных практик, а понимает под ним веру в разумную божественную силу или силы, которые стоят над человеческими существами и воля которых, когда явственна, включает в себе серьезный нормативный вес³².

²⁸ Подробнее см.: Хлебников Г. В. Философская теология античности. Ч. 1. Досократики, Сократ, Платон, Аристотель: Аналитический обзор. М., 2005. С. 94–107.

²⁹ Evans N. Diotima and Demeter as Mystagogues in Plato's Symposium // Hypatia. Bloomington, 2006. Vol. 21. № 2. P. 1.

³⁰ Ibid.

³¹ Corey D. D. Socratic citizenship: Delphic oracle and divine sign // Rev. of politics. Notre Dame. 2005. Vol. 67. № 2. P. 201–228.

³² Ibid. P. 203, прим. 7.